

МАРИЯ ПОНИЗОВСКАЯ

МАСКАРАД МОРМО

ЧЕРНЫМ
БЕЛО
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П56

Иллюстрации на обложке и форзаце *Mystical Buttons*

Дизайн обложки *Кати Петровой*

Понизовская, Мария.

П56 Маскарад Мормо / Мария Понизовская. — Москва :
Эксмо, 2026. — 640 с.

ISBN 978-5-04-206631-3

Крипта — город, спрятанный глубоко под землёй, где веками скрываются потомки древнего ведьмовского культа. А высоко над ними, на Поверхности, люди давно разучились верить в колдовство.

Но однажды подземный мир пробьётся наружу, коснётся закрытого студенческого общества, его странного молодого наставника и одного из лучших учеников.

А когда на улицах Поверхности появятся дети в масках и серийный убийца, станет ясно: граница между мирами окончательно разрушена.

Начинается маскарад.

И охота.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206631-3

© Понизовская М., текст, 2026

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Полтора года назад

Он бежал так быстро, что маска то и дело съезжала, снова и снова загораживая обзор. Платок пропитался потом и лип на затылок, сквозь тонкую намокшую ткань в голову впивались ремешки. Мальчишка на ходу цеплялся за них, пытался затянуть, но пряжки выскальзывали из пальцев.

«Так не должно было случиться!»

Его лёгкие горели. Он уже не разбирал дороги. Нёсся сквозь вялый поток прогуливающихся людей. Здесь была ресторанный улица — старая, узкая, с неровной брусчаткой посередине и гладкой плиткой на тротуарах. Мальчишка несколько раз поскользнулся на подсыхающих каплях чьего-то напитка, едва не выронил куклу, которую прижимал к груди. Но не упал.

Ему нельзя было падать.

Прохожие оборачивались, сбитые с толку то ли его бегом, то ли самым обликом, но быстро теряли интерес. Но это мало его утешало. Одним предкам известно, что будет, если в Крипте узнают, что его хоть кто-то здесь видел.

А его видели *многие*.

Мальчишка пролетел один рестораник, второй, третий — свет их вывесок, ярко сияющих в ночи, бил по глазам. Приглашающе распахнутые двери обдавали улицу жа-

ром и целой вереницей запахов: мяса, хлеба, тёплого сыра. Мальчишка замечал их, вдыхал вперемешку с городской пылью, забившейся во все прорези маски, и с запахом собственного пота.

И собственного страха.

Бежать оставалось недолго. За очередной витриной он свернул налево, снова едва не навернувшись. Грудь ныла так, что ему казалось, лёгкие вот-вот лопнут — и он точно не знал, от слишком ли быстрого бега или потому, что он провёл здесь так много времени. Так долго дышал этим отравленным воздухом.

Белая плотная косоворотка липла к спине, а шерстяные брюки жгли и без того разгорячённую кожу. В таком виде здесь нельзя было появляться.

Таким, как он, здесь нельзя было появляться. Но ему было так любопытно...

Слева снова тянулась вереница едальных и питейных заведений, а справа — дорога — просто огромная! По ней сновали желтобокие монструозные *ма-ши-ны*. Красивые и пугающие.

Ему просто хотелось узнать правду.

Мягкие серые сапоги мальчишки гулко стучали по тротуару. Эти удары, загнанный ритм сердца и сбивчивое дыхание было почти всем, что он сейчас слышал.

«Осталось чуть-чуть, — утешал он себя. — Совсем немного!»

Он бежал из последних сил, уже видя перед собой купола церкви, перед которой нужно свернуть.

Мальчишка оглянулся, и маска съехала от резкого движения. С мгновение он не видел совсем ничего, кроме черноты изнанки, но быстро вернул личину на место.

Они всё ещё гнались за ним. Трое взрослых. Рослые фигуры в длинных чёрных одеждах. Они, наверное, все вместе представляли престранную картину со стороны.

Дорога впереди раздваивалась, обнимая обеими своими частями церковь. И чем ближе она была, тем сильнее у мальчишки темнело перед глазами. Успев добежать до развилки, он резко свернул во дворы. С обеих сторон над ним нависли торцы старинных домов. Невысоких, всего три этажа, с белой массивной лепниной, обрамляющей окна, и стенами, выкрашенными в светлый зелёно-голубой. Сейчас они казались почти серыми, бесцветными — настолько уже было темно.

Он почти добежал до заделанной железными листами арки, расположенной прямо под табличкой с номером дома — «3». Он почти очутился в катакомбах, укрывающих главный подъёмник... где ему не стоило появляться! Но другого выбора не было.

Глухой хлопок и сильный толчок между лопаток случились одновременно. Мальчишка споткнулся и упал, проехался коленями и ладонями по асфальту. И маленькая тканевая кукла, которую он сжимал всё это время, вылетела из рук.

Сперва он ничего не почувствовал. Все звуки — и собственное тяжёлое дыхание, и чужие быстрые шаги, и далёкий гул ночного города — *не его города* — на миг пропали. Будто он совсем оглох.

«Больно...»

Он просто хотел немного погулять. Принести Быкову сувенир в доказательство. Раздобыть одежду, в которой можно было бы повернуть всё это ещё раз. И ещё. И ещё. Тайком. Незаметно. Он хотел знать, что от него скрывали. От них всех. Он так ценил знания... Никто не должен был узнать. Никто не должен был его заметить.

Никто не должен был преследовать его.

Локти подломились, и мальчишка с размаху врезался головой в асфальт. Маска снова съехала, и вместо улицы в глазных прорезях он опять увидел изнанку. Липкий жар

растёкся по спине и груди. Косоворотка налипала на кожу. А в ушах будто было полно воды.

Чьи-то пальцы вцепились в плечи. Мальчишку рывком перевернули на спину. Но он никого не увидел. Перед ним была только чернота. Только внутренняя сторона собственной маски.

— Может, нам просто закопать тебя, а? — раздался голос откуда-то сверху. Мальчишка почти его не слышал. Он уже не слышал почти ничего. — Вернуть туда, откуда выполз...

Он закрыл глаза. И мягкий, успокаивающий голос мамы еле слышно прошелестел у него в голове:

«Волшба — это дар, милый. Такой бесценный дар, за который можно и умереть».

ГЛАВА 1

СОЛНЦЕВА

Полтора года назад

Её маской было солнце — железное лицо, переходящее в высокое очелье кокошника. По всему его полукругу — острые солнечные лучи. В темноте они сияли тусклым жёлтым. На маске — литые черты: нос, рот и губы. Овалы румянца на железных щеках, в барельефных глазах — круглые прорезы вместо зрачков. В детстве маска была так велика, что делала её похожей на подсолнух — огромная голова и тонкое, хрупкое тельце.

— Внимательнее! Солнцева!

Солнцева.

Она оглянулась через плечо на кухню-погодку. Их маски были почти идентичными. Разве что лучи у кухни на кокошнике были волнистыми.

— Следите за огнём, Солнцева, — недовольный голос господина Надеи катился по залу будто раскаты грома. — Ближайшая ко мне.

Она резко выпрямилась, затылком ощущая недобрый учительский взгляд.

Их с кухней имена были одинаковыми. Одежды — тоже: сапоги, чулки, платки, сарафаны, рубахи — всё такое белое,

до рези в глазах. И маски, если особенно не присматриваться, были тоже одинаковыми. О, эта досадливая идентичность — причина, по которой обе старались избегать друг друга большую часть жизни. Стояли по разные стороны залы приёмов на семейных собраниях и криптских праздниках, переходили на другую сторону улицы при встрече в городе.

Они были совершенно разными людьми — это очевидно. Но не для окружающих, не для Крипты, не для семейного совета, возможно, даже не для собственных родителей. И уж конечно, не для господина Надеи. Пока нет.

— Солнце-ва-а-а... — едва ли не промурлыкал учитель.

И Солнцева резко отвернулась от кухни, сжимая в руках тканевую болванку. От обманчиво ласковой интонации в голосе господина Надеи на руках и шее проклюнулись мурашки. Не поднимая на него глаз, Солнцева послушно подкрутила дрожащими пальцами вентиль, вынуждая пламя горелки почти затухнуть. Она всё ещё чувствовала учительский взгляд, и про себя молила предков, чтобы он наконец вернулся на мужскую половину зала.

Солнцева положила перед собой болванку тряпичной куклы. Упёрлась ладонями в чёрную столешницу и прикрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями. Прийти в себя, наконец. С самого утра болела голова. И сейчас, с каждым стеклянным звоном, шипением выплеснувшейся эссенции и стуком молотка давление на лоб только нарастало.

Ей было не по себе здесь. Жутко от слишком ровных рядов парт, от порядка, в котором были рассажены восемнадцатилетние неофиты — всё так вылизано, выверено, не по-настоящему, неправильно. От отсутствия рядом Лады или хотя бы Дары, от самого огромного пространства алхимической лаборатории, её высоченных потолков. От пестроты чужих масок, почти светящихся в полумраке. И от мужской половины зала, где из ядовитой суспензии выплавляли кинжалы — от холодного лязга металла её подташнивало.

Солнцева смотрела на болванку Берегини. А в голове было совсем пусто. Она готовилась ко всему этому очень долго, вероятно, полжизни: академический диагностике, Дню П., Наречению, но... Но, когда пришло время, всё необходимое, *нужное* просто... испарилось из головы.

«Соберись-соберись-соберись...»

Она вчера так и не смогла уснуть. Она совсем не спала.

Сделав два коротких вдоха и долгий выдох, пытаясь не поддаваться ни панике, ни усталости, Солнцева заставила себя вернуться к белой тканевой заготовке на гладкой и чёрной столешнице. От бессонной ночи в глазах рябило, а в голову лезла бессвязная ерунда. От волнений пальцы тряслись, а вместе с ними и болванка будущей куклы.

Берегиня — что может быть проще? Они сделали с Ладой их сотни. Старшая сестра натаскала Солнцеву так, что та могла бы скручивать Берегинь с закрытыми глазами, даже подскочив среди ночи. По крайней мере, она так думала...

На кукле не должно быть швов, никаких швов, только и всего.

«Милая, от этого зависит твой День П., — пронёсся в голове голос старшей сестры. — Не облажайся».

Солнцева со злостью сорвала со столешницы красный треугольный лоскут и обернула его вокруг безликой головы болванки. Всё было правильно, Крипта задери! Как нужно. Берегиня уже обретала необходимые очертания: тело, обтянутое чёрным сарафаном, голова в багряном платке, руки — рукава белой сорочки, набитые ватой. Всё было как надо. Но пальцы Солнцевой отчего-то мелко подрагивали. И хотелось ударить ими по столу, чтобы этот нелепый тремор прекратился. Она же всё испортит... Артефакторика — не самое сложное в предстоящей череде испытаний. А Солнцевой всё никак не удавалось собрать в стройный ряд расползающиеся мысли.

«День П. День П. День-П-День-П-День-П».

В огромной алхимической лаборатории, с высоким крестовым сводом потолка и узкими стрельчатыми окнами,

было необъяснимо душно. Сизые клубы пара, поднимающиеся над колбами, не собирались рассеиваться. Разъедали глаза сквозь прорези масок, стелились по каменному полу. В них тонули ноги неофитов, их длинные кафтаны — одинаковые светло-серые. Тонули табуретки и столы лаборатории, безликие куклы на женской половине и заготовки кинжалов — на мужской, лежащие между алхимических стоек, пробирок и мензур.

Солнцевой казалось: ещё немного, и все они задохнутся, похороненные навечно в этих ядовитых парах.

— Испортила, — шепнул голос прямо у неё в голове.

Солнцева вздрогнула так сильно, что задела столешницу, и склянки на ней задребезжали. Она бросила взгляд на другую половину зала — через широкий проход, по которому взад-вперёд расхаживал господин Надея, словно конвоир.

Проклятый Лисов, он напугал её.

В мужской части лаборатории — такие же раздражающе-ровные ряды парт и неофиты в бело-серых одеждах, посаженные через одного друг за другом. Они, как и девицы, различались лишь масками. Медведи, вороны, бесы, луны, соболи...

— Закройся, — чужой голос зазвенел в голове так громко, что стало больно, что потемнело в глазах. — Дура!

Лисов — мерзавец в рыжей маске, занимавший парту через широкий проход — любил помучить её. Развлекался этим всё детство. Сейчас его фарфоровая лисья морда была обращена прямо к Солнцевой, а в прорезях клубилась темнота — слишком мало света, чтобы разглядеть глаза. Но она знала: они смотрят прямо на неё. Насмешливо.

Солнцева, зажмурившись на мгновение, вернулась к своей эссенции. Остывая, та становилась мутно-охристой: совсем не того оттенка, что должен был получиться.

— Испортила, — весело повторил голос Лисова в голове.

И словно эхом ему виски сдавила новая порция боли.

«Проклятье! — Солнцева отбросила недоделанную Берегиню, и та, проскользив по столешнице, упала на пол. — Займись *своей* работой, отстань от меня!»

Собственная черепная коробка взорвалась чужим хохотом.

Солнцева резко вывернула вентиль, и пламя взметнулось над горелкой, слишком высокое, облизнувшее стенки колбы почти до самого горлышка. А Солнцева вцепилась в столешницу, уставившись на собственное варево. Будто взглядом могла заставить его обрести нужный цвет и консистенцию.

Без эссенции Берегиня — бесполезный комок тряпья. Кукла, не напитавшаяся в *нужный* момент *правильными* парами, — выброшенные на ветер силы. Солнцева знала это, потому что ей не раз и не два раньше доводилось портить раствор. И получать за это от Лады по рукам. Но это было давно, они были детьми. Разве возможно, чтобы она напортила с ним сейчас, спустя столько лет практики? На проклятом экзамене, от которого зависело абсолютно всё?

Солнцева напряжённо вглядывалась в белёсую плёнку, успевшую затянуть поверхность варева. Мелкие точки перед глазами — белые и чёрные — стали крупнее. Но Солнцева почти не обратила на это внимания, не сводя взгляда с эссенции. Плёнка на ней медленно трескалась, расходясь хлопьями, как... Было ли дело в головной боли, спутанном от долгих волнений сознании или парах, клубящихся над колбами, но Солнцева, замороженная, загипнотизированная этим зрелищем, не заметила, как пальцы соскользнули с вентиля. Как вдруг пропали все звуки лаборатории, в уши будто хлынула вода. Как от поднявшегося пара заслезилась глаза, а дышать стало совсем тяжело. Почти невозможно.

Лоскуты плёнки, трещины между ними, становившиеся всё шире и шире, проклёвывающиеся на поверхности пузыри — всё это напоминало ей то, что скрывалось под собственной маской. Под масками всех собравшихся здесь неофитов.

— Подорвёшься, дура! — снова раздался смех Лисова в голове.

И Солнцева дёрнулась, страшивая наваждение. И тут же все звуки лавиной обрушились на неё — свист газовых горелок, стук молотков на мужской половине, шелест ткани и высокий и... холодный стеклянный звон.

«Проклятье!»

Её колба подрагивала, а горлышко дребезжало в чугунном хвате алхимической стойки.

Солнцева в отчаянье оглянулась на Лисова, будто тот мог что-то сделать. Его ладно сделанная фарфоровая маска, повернутая к ней, разумеется, не выдавала никаких эмоций. Но мальчишка в любопытстве склонил голову набок, глядя на Солнцеву глухой чернотой сквозь глазные прорезы на лисьей морде.

Стеклянное дребезжание сделалось громче, острее. И обездвиженная собственной паникой Солнцева только и смогла, что скосить глаза обратно на колбу.

— Во славу предкам! — ехидно произнёс голос Лисова в голове.

— Да хранит нас их сила, — вырвался машинальный ответ.

И лишь спустя мгновение Солнцева поняла, что именно сказала. Она обречённо прикрыла глаза, вновь слыша раскаты чужого хохота, звучащие среди собственных мыслей.

Осознание произошедшего настигло Солнцеву, лишь когда она оказалась дома.

— Во славу предкам, — дверь ей открыла сестра. — Ты рано.

Секундное удивление, отразившееся на лице Лады, почти сразу сменилось насторожённостью. А затем и... разочарованием? Страхом?

— Да хранит нас их сила, — пробормотала Солнцева, избегая смотреть ей в глаза.

— Где Дара?

Лада застыла на пороге и нахмурилась.

Дара — служанка, без которой такой девице, как Солнцева, нельзя было ступить и шага.

«Я оставила её в здании Высших наук...»

— Пустишь? — спросила Солнцева, переминаясь с ноги на ногу на открытой лестничной площадке.

За её спиной высилась громада подземного города. За пределами каменного клочка перед дверью, на котором она стояла, разверзлась сама бездна. Далеко внизу по узкой улице сновали редкие пешеходы.

Лада отступила на шаг, освобождая проход. А затем резко поддела пальцем луч сестрицыной солнечной маски, заставляя Солнцеву поднять голову. Их глаза встретились, и боль тисками сжала виски.

«О, предки...»

Лада вглядывалась в прорези маски напротив. Солнцева почти физически ощутила давление чужой волшбы. И пока не стало слишком поздно, проскользнула в квартиру, пытаясь спрятаться, улизнуть, закрыть глаза... Но сестра обогнула её, отзеркалив каждое движение, вновь оказываясь напротив, не позволяя разорвать зрительный контакт.

«Проклятье...»

Чем дольше Лада смотрела ей в глаза, тем бледнее становилось её лицо. У Лады *было* лицо. И Солнцева видела, как краска сбегает у неё со щёк.

Лада открыла беззвучно рот, потом закрыла его. Снова открыла и снова закрыла. А у Солнцевой от стискивающей голову боли заслезилась глаза.

— Вот же... *дёрмо!* — разом осипшим голосом выдавила сестра.

Солнцева дёрнулась от непривычной грубости, слетевшей с Ладиных губ. И наконец сумела отвести глаза. При-

